

Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе¹

Е.Ю. Трещенков

Трещенков Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); Россия, Санкт-Петербург, 191060, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8; e.treschenkov@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-1323-2383

Аннотация

В последнее десятилетие понятие «суверенитет» все чаще используется в общественно-политических дискуссиях. К нему апеллируют самые разные акторы — от системных, ищущих пути преодоления глобального кризиса управления и безопасности, до суверенистов, протестующих против универсализма и ослабления роли государства. В этих условиях трансформация суверенитета в интеграционных объединениях представляет особый интерес. В дискурсе самого продвинутого из них — Европейского союза — появилось понятие «стратегический суверенитет». Одним из вызовов этому суверенитету названа политика КНР и России. Последняя также активно апеллирует к понятию суверенитета и является ядром другого интеграционного объединения — Евразийского экономического союза. С момента создания Евразийского таможенного союза подчеркивалось заимствование им опыта ЕС и нацеленность на то, чтобы стать звеном в сопряжении интеграций в Евразии. В условиях конфликта между Россией и Западом ЕС и ЕАЭС все чаще противопоставляются друг другу.

Предлагаемое исследование сфокусировано на выявлении особенностей трансформации суверенитета в интеграционных объединениях на примере ЕС и ЕАЭС. Аналитический фокус сравнения двух моделей задают концепция четырех измерений суверенитета С. Краснера и феномен надгосударственности. Трансформация суверенитета не ограничивается передачей властных полномочий надгосударственным органам. В ЕС суверенитет разделяется между уровнями управления, формируя многоуровневую систему управления и особое политическое сообщество. По поводу ЕАЭС в литературе доминирует мнение о том, что суверенитет стран-участниц непререкаем, а само объединение носит чисто межгосударственный характер. Действительно, на пути передачи его государствами-членами вопросов организации власти на другие уровни существуют объективные препятствия. Несмотря на это и в ЕАЭС суверенитет претерпевает определенные изменения. Разные измерения суверенитета здесь были затронуты асимметричными отношениями с Россией еще до формирования ЕАЭС. Союз создан на основе этих связей, но он же их и трансформирует.

Ключевые слова: суверенитет, надгосударственность, многоуровневое управление, Европейский союз, Евразийский экономический союз, суверенизм, Россия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>

Для цитирования: Трещенков Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 74–91 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-04

¹ Статья поступила в редакцию 20.05.2023.

Введение

Проблема трансформации государственного суверенитета в рамках надгосударственного (supranational²) объединения является неотъемлемой составляющей как академических, так и широких общественно-политических дискуссий о сущности и путях развития интеграции в формате Европейского союза (ЕС). Будучи самым глубоко интегрированным объединением государств в мировой практике, Евросоюз регулярно становился образцом и источником заимствований в других регионах. Не избежал апелляций к опыту европейской интеграции и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Для создателей Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) Евразийского экономического сообщества, трансформировавшегося к 2015 г. в ЕАЭС, сравнение с ЕС было важно еще и по причине привлекательности последнего среди части населения и элит потенциальных участников будущего Евразийского союза.

Сближает ЕС и ЕАЭС не только тот факт, что оба представляют собой примеры продвинутых региональных интеграционных объединений, но и критика со стороны разного рода суверенистов. В узком смысле «суверенизм» определяется как протест национальных элит и массовых движений против универсализма и поддержка ими идеи верховенства интересов своих государств [Minakov, 2021, p. 4]. В широком смысле это любые политические претензии, основывающиеся на понятии суверенитета: от призыва сохранить статус-кво в международных делах до требования изменить международную систему на принципах суверенного равенства всех ее участников [Alles, Badie, 2016, p. 5]. Соответственно, к суверенистам можно отнести и Дональда Трампа, и руководство России, и польскую партию «Право и справедливость». В последние годы понятие «суверенитет» все чаще встречается и в дискурсе ЕС [Романова, 2021]. Здесь суверенитету Союза угрожает проблема пересмотра сложившихся международных правил игры как его партнерами (например, США), так и такими «великими державами», как Россия и КНР [Fiott, 2021, p. 32].

Предлагаемое исследование имеет своей целью выявить особенности трансформации феномена суверенитета в условиях интеграционных объединений на примере ЕС и ЕАЭС, включая их современную адаптацию к росту «суверенизма» внутри и во вне. При этом речь идет не о поэтапном анализе процесса трансформации, а об определении основных сущностных характеристик подхода к суверенитету, его причин и современного состояния. Учитывая вовлеченность ЕС и ЕАЭС в конфликт по линии Россия – Запад, сопоставление надгосударственных моделей управления взаимозависимостью может пролить свет на пределы налаживания взаимодействия между ними. Несмотря на то что в основе методики предлагаемого исследования лежит сравнительный анализ, ЕС здесь не рассматривается в качестве модельного для ЕАЭС интеграционного объединения. Какими бы естественными ни были практики заимствования интеграционного опыта, каждый случай региональной интеграции развивается в уникальных условиях и обладает своими специфическими чертами.

Государство, интеграция и суверенитет

Сравнению ЕС и ЕАЭС посвящен солидный пласт литературы. Как правило, это прикладные исследования, содержащие рекомендации по учету опыта ЕС создателям ев-

² В статье перевод «надгосударственный» используется в качестве синонима более дословному «наднациональный».

разийского интеграционного проекта [Кавешников, 2011]. При этом степень сходства и различия двух интеграций оценивалась по-разному. Одни указывали на существенное заимствование опыта Евросоюза [Кондратьева, 2011, с. 170], другие отмечали, что происходит лишь формальное копирование институтов [Kažarski, 2012]. Третьи склонялись к выводу об ограниченности применения опыта ЕС к объединению, сформированному в иных условиях [Буторина, Захаров, 2015, с. 55].

Развитием последней идеи стало появление концепции авторитарного регионализма (ЕАЭС), противопоставляемого либеральному регионализму (ЕС). Авторы едины во мнении, что ЕАЭС позволяет авторитарным политическим режимам продлевать свое существование за счет экономического взаимодействия и взаимной поддержки [Roberts, 2017; Dragneva, Hartwell, 2022; Libman, Obydenkova, 2018]. Основной проблемой соответствующих исследований является упрощенное представление о суверенитете. Он рассматривается через призму готовности государств передавать свои полномочия надгосударственным органам. По этой причине, например, А. Мошес и Ш. Робертс [2016] ограничиваются утверждением о том, что в рамках ЕАЭС не происходит трансформации суверенитета.

Данное исследование нацелено на более глубокое изучение проблемы реализации суверенитета в рамках интеграционного объединения на примере двух моделей, все чаще противопоставляемых друг другу – европейской и евразийской. Классические подходы к суверенитету склонны рассматривать его как абсолютную власть государства в пределах его территории, неограниченную правом и обладающую монополией на легитимное применение силы. Такой абсолютистский взгляд на суверенитет не подходит для политического анализа интеграции [Lynch, 2016, p. 43–44]. Феномен надгосударственности – это не антипод межправительственности и не простая передача полномочий государства надгосударственному органу. В многоуровневой системе, которой является, например, ЕС, суверенитет распределяется по разным уровням управления, связанным между собой в своеобразную сеть. В одних сферах центры принятия решений очевидны, в других – властные полномочия рассредоточены между разными подсистемами, и суверенитет совместно реализуется участниками процесса [Keohane, Hoffmann, 1991, p. 10, 14].

Соответственно, понятие суверенитета, используемое в качестве аналитической категории, требует отхода от монистского³ видения. Более предпочтительной представляется концепция, предложенная С. Краснером. Он выделяет четыре автономных измерения понятия «суверенитет»: международно-правовой, вестфальский, внутренний и суверенитет взаимозависимости. Международно-правовой суверенитет относится к практике взаимного признания акторами друг друга на международной арене как формально юридически независимых и равных участников взаимодействия. Вестфальский суверенитет касается исключения вмешательства во внутренние дела государства со стороны внешних акторов. Внутренний суверенитет указывает на то, как организована политическая власть в государстве, а также на способность органов государственной власти осуществлять эффективный контроль в пределах границ своего государства. Эти первые три типа, согласно Краснеру, составляют «традиционный суверенитет» (conventional sovereignty). Четвертый – суверенитет взаимозависимости – связан с развитием процессов интеграции и глобализации. Его суть состоит в способности органов государственной власти осуществлять контроль над трансграничными потоками: информации, идей, товаров, людей или капитала [Krasner, 2009, p. 179–180, 234].

³ Согласно монистской (monistic) теории, суверенитет абсолютен и неделим.

По мнению Краснера, вестфальский и международно-правовой суверенитеты относятся к манифестации власти, внутренний суверенитет сочетает и власть, и осуществление контроля, а суверенитет взаимозависимости ограничивается только вопросами контроля. Интеграция увеличивает количество взаимосвязей между участвующими государствами, устраняет барьеры на пути трансграничных потоков, создавая тем самым вызовы осуществлению контроля. При этом государство может располагать одним типом суверенитета при одновременном отсутствии другого. Потеря контроля над трансграничными потоками (суверенитет взаимозависимости) почти наверняка означала бы потерю внутреннего суверенитета в смысле внутреннего контроля, но не обязательно означало бы, что государство утратило внутреннюю власть [Krasner, 2001, p. 10].

Надгосударственность может проявляться в самых разных аспектах интеграционного объединения – от способов формирования его бюджета до попыток внедрения концепции наднационального гражданства [Хохлов, Сидорова, 2014]. В разделах о ЕС и ЕАЭС предлагается сфокусировать внимание на ключевых:

- дать характеристику подходу государств-членов к суверенитету и условиям, в которых происходила трансформация различных его измерений в интеграционном объединении;
- проанализировать характер воздействия права объединения на осуществление традиционного суверенитета;
- определить особенности многоуровневой системы управления интеграцией, включая роль институтов и особенности управления суверенитетом взаимозависимости.

Отдельное внимание в обоих случаях уделено влиянию на официальный дискурс интеграционных объединений о суверенитете современных вызовов «суверенизма» и безопасности.

Многоуровневое управление и суверенитет в ЕС

Трансформация суверенитета в Европейских сообществах и формирование системы многоуровневого управления происходили под воздействием нескольких важных обстоятельств. После окончания Второй мировой войны ключевой задачей стало выстраивание такой системы, которая, не отвергая национальный суверенитет, создавала бы прочные отношения взаимозависимости и совместного решения общих проблем вместо попыток экспансии и доминирования со стороны одного государства.

Окончание холодной войны ознаменовалось дальнейшим углублением и расширением интеграции. Одновременно в ЕС вступали государства Центральной и Восточной Европы. Их переход из одной системы ограниченного суверенитета (социалистический лагерь) в другую (ЕС) происходил довольно быстро. В результате дополнительным фактором развития евроинтеграции стали разногласия внутри политических сообществ новых стран – участниц ЕС по поводу содержания и организации национального суверенитета. В случае с Польшей и Венгрией они уже приводят к конфликтам с наднациональными органами (Европейской комиссией и Судом ЕС) относительно пределов верховенства права ЕС.

Оно ограничивает суверенитет национальных правовых систем, подчиняя их европейской, но только в тех аспектах, которые прописаны в основополагающих договорах ЕС, принятых самими государствами-членами, а также во вторичном праве, принятом на основе договоров. В создании норм вторичного права ЕС участвуют Европейская комиссия, Совет ЕС и Европейский парламент. Суд ЕС не только высту-

пает арбитром, решая споры, возникающие относительно применения права ЕС, но и способствует развитию интеграции, принимая решения о толковании норм права. Примечательно, что в процессе подтверждения верховенства права ЕС на уровне государств-членов участвуют и национальные суды. При этом верховенство права ЕС не является безусловным. В процессе установления границ на пути его расширительной трактовки активную роль играют конституционные суды стран – участниц ЕС (ФРГ, Бельгия, Чехия, Италия, Румыния и др.) [Petersen, Wasilczyk, 2022, p. 8].

В случае с Польшей спор с надгосударственными органами ЕС относительно пределов вмешательства в национальный суверенитет привел к конфликту. В 2016 г. польская правящая партия «Право и справедливость», выступающая со вполне суверенистских позиций, инициировала реформу судебной власти в стране. Европейская комиссия оценила польские реформы как подрывающие независимость национальных судей. Суд ЕС встал на сторону Комиссии, признав реформы не соответствующими праву ЕС. В ответ Конституционный суд Польши вынес решение о несоответствии ряда положений Договора о ЕС польской Конституции [Petersen, Wasilczyk, 2022, p. 7]. В качестве давления на Польшу Суд ЕС назначил ей штраф, а Европейская комиссия прекратила выделять стране средства в рамках европейского Плана восстановления от последствий пандемии COVID-19 [Buras, 2022]. Примечательно обоснование, которое Комиссия дала своим действиям: «Цель Комиссии состоит в том, чтобы гарантировать, что права польских граждан защищены и что они могут пользоваться преимуществами ЕС так же, как и все остальные граждане ЕС. <...> Комиссия также считает, что Конституционный суд больше не отвечает требованиям независимого и беспристрастного суда» [European Commission, 2023]. Таким образом, надгосударственные органы ЕС не только подвергают сомнению вестфальский суверенитет государства-члена, но и претендуют на то, чтобы осуществлять надзор за организацией элементов его внутреннего суверенитета (судебная система и политические права граждан). Не обладая собственным суверенитетом, Евросоюз в лице наднациональных институтов пытается апеллировать к гражданам государств-членов напрямую.

Отход от государствоцентризма не обязательно означает усиление надгосударственных органов. Провозглашаемые в Договоре о ЕС принципы субсидиарности и пропорциональности ограждают центральные правительства от их необоснованного вмешательства в процесс выработки коллективных решений, но при этом предусматривают возможность участия в процессе региональных и местных властей [Стрежнева, 2016, с. 11]. Вовлечение субнациональных акторов происходило по мере углубления интеграции и обосновывалось целесообразностью их участия в выработке решений. Например, формирование консультативного Комитета регионов стало возможным благодаря появлению у ЕС региональной политики [Wassenberg, 2020]. Другим важным обстоятельством было возрастание роли региональных и местных властей внутри государств, создавшее благоприятную почву для расширения их участия в надгосударственном процессе. Надгосударственность как модель управления позволяет политическим партиям, региональным и местным властям и другим акторам реализовывать их интересы не только в рамках национального политического процесса, но и на межгосударственном и надгосударственном уровне [Büthe, 2016, p. 492; Lynch, 2016, p. 52].

Для многих олицетворением надгосударственного уровня является Европейская комиссия. Она выступает инициатором законодательства, осуществляет контроль за реализацией государствами-членами их интеграционных обязательств, является основным распорядителем средств бюджета Союза, напрямую принимает решения в ряде вопросов (например, в сфере антимонопольного законодательства и конкуренции) [Хохлов, Сидорова, 2014, с. 70], наполняет содержанием инициативы межгосу-

дарственного уровня (Совета ЕС и Европейского совета). Не стоит недооценивать и ее посреднические функции. По мере развития интеграции усложняется процесс согласования интересов разнообразных участников процесса, а их круг не ограничивается только национальными правительствами. Например, при расширении санкций в отношении Беларуси по калийным удобрениям в начале 2020-х годов ЕС столкнулся с сопротивлением не только со стороны отдельных стран-членов (Венгрия), но и со стороны различных национальных и транснациональных объединений, представлявших в ЕС аграрное лобби [Bosse, 2021, р. 206]. Как институт, нацеленный на обеспечение сплоченности объединения, Еврокомиссия играет существенную роль в том, чтобы торг в рамках многоуровневого управления приводил к взаимовыгодным решениям.

Вместе с тем развитие и углубление интеграции не означает симметричного увеличения веса Еврокомиссии. Так, после Лиссабонского договора 2007 г. в системе разделяемого суверенитета ЕС появляются институты постоянного председателя Европейского совета и Европейской внешнеполитической службы, а полномочия Европарламента возрастают не только в законодательном процессе, но и в сфере внешней политики Союза.

Необходимость сводить к единому знаменателю разнонаправленные интересы приводит к интересным эффектам. Как это ни парадоксально звучит, де-юре передав часть суверенных полномочий другим уровням управления и расширив сферы применения голосования квалифицированным большинством в Совете, государства де-факто могут усилить свое политическое влияние, опираясь на вес всего Союза [Lynch, 2016, р. 57–58]. Так, Республика Кипр вовлекла Европейский союз в свой спор с Турцией по добыче газа в территориальных водах в обмен на голосование в Совете ЕС по санкциям в отношении Беларуси [Bosse, 2021, р. 203]. Польша и Чехия продвинули свое геополитическое видение восточной политики в рамках общеевропейского Восточного партнерства [Cadier, 2019].

Наличие внешнего измерения практически у всех основных политик ЕС является важной характерной чертой надгосударственности. Разделение властных полномочий между уровнями управления в каждом из направлений внешних связей ЕС разное: от максимальной роли Европейской комиссии во внешних аспектах антимонопольной политики до максимальной роли государств в вопросах Общей политики безопасности и обороны. При этом одна из важнейших особенностей европейской интеграционной модели — ее нормативно-ценностное измерение. Внутренняя целостность ЕС обеспечивается провозглашением консенсуса относительно базовых ценностей, на которых основывается это многоуровневое политическое сообщество. Продвижение ЕС как единого глобального актора увязывается с приданием ценностного измерения его действиям на международной арене и взаимодействию с третьими странами [Consolidated version of the Treaty on European Union, Art. 2–3].

С самого начала европейской интеграции в ее основе лежала идея коллективного управления взаимозависимостями стран объединения. Развитие внутриевропейского разделения труда и постепенная отмена физических границ внутри Евросоюза (таможенных, паспортных и т.д.) способствовали увеличению взаимозависимостей, но одновременно ослабляли возможности контроля за трансграничными процессами со стороны правительств. В условиях глобализации одним из основных способов управления трансграничными вызовами безопасности для ЕС стала экспансия европейской модели вовне. Результаты оказались неоднозначными. Так, попытки трансформации Евросоюзом его восточного соседства столкнулись с сопротивлением со стороны правящих элит России и ряда государств региона, посчитавших такой подход подрывающим как минимум их традиционный суверенитет. Участие ЕС в трансформации

южного соседства (Арабская весна) также спровоцировало серьезные вызовы самому европейскому интеграционному проекту (миграционный кризис 2015 г.). Последовавшие за этим попытки ЕС критически переосмыслить проблему европоцентризма и его внешнего измерения (например, внедрением категории стрессоустойчивости в политическую стратегию ЕС [Романова, 2019]) серьезным образом не изменили подходов Союза.

Неизменным ответом на внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкивался ЕС, в риторике надгосударственных институтов является предложение углублять интеграцию и способствовать формированию такого миропорядка, который был бы созвучен с ценностями Союза [EU, 2016]. В этой же канве развивается и появившееся в последние годы в дискурсе ЕС понятие стратегического суверенитета [Fiott, 2021; Романова, 2021]. Оно вызвано к жизни кризисом системы глобального управления и безопасности, в свете которого стали еще заметнее имеющиеся у европейского интеграционного проекта уязвимости (проблемы управляемости, рост суверенизма внутри ЕС, зависимость в вопросах безопасности и снабжения ресурсами от партнеров со сложно-прогнозируемым внешнеполитическим поведением). Заявляя о своем «стратегическом суверенитете», Европейский союз пытается перехватить повестку у национальных суверенистов: не государства по отдельности, а только объединенная Европа способна преодолеть экзистенциальные вызовы безопасности континента. Неслучайно авторство концепции принадлежит президенту Франции Э. Макрону [Романова, Мазаник, 2022, с. 88–89], конкурирующему во внутренней политике со своими собственными суверенистами⁴. «Стратегический суверенитет» все еще не заменяет национальные суверенитеты, но призван упрочить положение такого многоуровневого политического сообщества, как Европейский союз.

Трансформация суверенитета в ЕС сопровождалась и опиралась на изменение подходов к суверенитету и организации политической власти в самих государствах — членах Евросоюза. Вмешательство в сферы традиционного суверенитета государств-членов компенсируется открывающимися для них возможностями использования веса всего Союза для увеличения их акторности. Эта модель позволяет вырабатывать коллективные ответы на вызовы суверенитету взаимозависимости, но при этом часть вызовов является закономерным результатом функционирования самого ЕС. Сплоченность объединения обеспечивается поддержанием консенсуса относительно ценностей, а также проецированием модели Евросоюза во внешний мир, включая намерение трансформировать регионы соседства.

Государство и суверенитет в ЕАЭС

Формирование Евразийского экономического союза в значительной мере стало ответом на интенсификацию европейской интеграции ряда государств постсоветского пространства. При этом ЕАЭС не противопоставлялся Евросоюзу, а позиционировался как технически совместимое с ним звено в предполагаемом сопряжении интеграционных процессов в Евразии [Президент РФ, 2012]. В деталях мотивы стран — основательниц ЕАЭС — Казахстана, России и Беларуси — отличались. Москвой наличие полноценного интеграционного объединения под эгидой России воспринималось как обязательное условие диалога на равных с западными партнерами [Лавров, 2013]. Для первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева Евразийский союз был личным проектом, а евразийская интеграция понималась как объединение независимых и равных

⁴ Например, в лице партии «Национальное объединение».

государств, сближение которых в экономике регулируется надгосударственными органами [Saltybayev, Parkhomchik, 2020]. Для Республики Беларусь участие в ЕАЭС было способом сохранить преференциальные отношения с Россией [Суздальцев, 2021]. Здесь способность государства реализовывать его суверенные полномочия оказалась в силу ряда объективных причин тесно связана с углубленным торговым, энергетическим и финансовым партнерством с Россией.

Отношение к проблеме суверенитета среди основных партнеров России по ЕАЭС определялось двумя основными обстоятельствами.

Во-первых, это опасения относительно возможных попыток России вернуть себе контроль над утерянным в результате распада СССР пространством, тем более что дискурс Москвы относительно евразийского регионализма сильно отличается в зависимости от аудитории: официально декларируется уважение суверенитета участников ЕАЭС, но в общении с внутренней аудиторией российские политики зачастую прибегают к «империалистическим заявлениям» [Libman, 2022].

Во-вторых, точкой сборки политических сообществ, образовавшихся после распада СССР, стали государства [Токаев, 2022]. В Беларуси, России и Казахстане ключевыми политическими акторами процесса государственного строительства были национальные лидеры. Соответственно, здесь возобладали монистская концепция суверенитета как абсолютной власти государства и олицетворяющего его политического лидера. Президенты играли ключевую роль в процессе определения пределов интеграции в рамках ЕАЭС, маневрируя между национальными суверенистами и сторонниками сближения.

Таким образом, для партнеров России по ЕАЭС принципиально важным стало сформировать такую систему управления интеграцией, которая позволила бы:

- избегать воздействия на внутренний суверенитет и вмешательства надгосударственных органов и Москвы в вестфальский суверенитет;
- гарантировать, что правила функционирования Союза как минимум не будут усугублять асимметрию в отношениях с Россией.

Соответствующие задачи нашли отражение в ст. 3 Договора о ЕАЭС. Среди основных принципов функционирования Союза отдельно отмечается «уважение особенностей политического устройства государств-членов», а также их «суверенное равенство» [Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014]. В ЕАЭС, не касающемся политической интеграции, отсутствуют как какие-либо идеологические или ценностные ориентиры, обязательные для стран-участниц, так и требования к способам организации их внутреннего суверенитета. Договор о ЕС, напротив, не только закрепляет набор базовых ценностей и параметров организации политических сообществ в странах-участницах, но также предусматривает механизм воздействия на государство-нарушителя (ст. 7) [Consolidated version of the Treaty on European Union, 2016].

Среди исследователей нет единогласия, что считать проявлением надгосударственности в ЕАЭС и какие органы относить к надгосударственным. В первую очередь сомнения в наличии у объединения надгосударственных черт вызывает право Союза. Оно во многом остается именно международным правом, «опираясь в наращивании своего регулирующего потенциала на международные договоры и не противоречащие им решения органов ЕАЭС» [Пименова, 2019, с. 84]. Акты Евразийской комиссии, имея непосредственное применение на территории государств-членов, можно формально считать наднациональными. Вместе с тем их значение девальвируется тем фактом, что на уровне ЕАЭС не признается приоритет актов ЕЭК по отношению к актам национального права. Фактически решение этого противоречия в чисто суверенном духе оставлено за самими странами-участницами. Например, конституционное право

Казахстана закрепляет за ними приоритет по отношению к национальному законодательству. В России и Беларуси такие нормы отсутствуют [Пименова, 2019, с. 84–85].

Неоднозначна и роль Суда ЕАЭС. С одной стороны, он разрешает судебные споры, а также дает разъяснения относительно применения права Союза. Решения Суда являются обязательными для исполнения сторонами спора. С другой стороны, как отмечает А. Исполинов [2016, с. 162], Статутом Суда предусмотрены механизмы ограничения нежелательных для государств решений. В случае неисполнения государством решения Суда вопрос может быть передан на уровень Высшего экономического совета, решения в котором принимаются консенсусом. Кроме того, государство может не согласиться с решением Суда и не выполнять его, сославшись на положение о том, что решения Суда не могут изменять действующие нормы права Союза или национального права.

Контроль за процессом принятия решений в ЕАЭС со стороны государств-членов выстроен строго вертикально. Решения нижнего уровня – Коллегии ЕЭК, где располагаются члены Коллегии (министры), – могут быть отменены Советом ЕЭК, состоящим из вице-премьеров государств-членов. Решения Совета ЕЭК отменяются Межправительственным советом уровня глав правительств, а решения последнего – Высшим экономическим советом уровня глав государств и правительств [Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014, ст. 12, 16].

Евразийская комиссия обозначена в Договоре не как надгосударственный, а как «постоянно действующий регулирующий орган Союза» [Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014, ст. 18]. Фактически она обеспечивает работу межгосударственных органов ЕАЭС, выступает в роли площадки для взаимодействия представителей национальных бюрократий, а также осуществляет мониторинг за исполнением государствами и хозяйствующими субъектами норм права Союза. Как показывает практика, споры уровня хозяйствующих субъектов, особенно если они не затрагивают отношения власти-собственности в странах-участницах, могут быть решены на уровне ЕЭК. При возникновении конфликтов между странами-участницами Комиссия старается оставить решение проблемы за самими государствами и межгосударственными органами ЕАЭС (Высший совет и Межправительственный совет), со своей стороны предоставляя необходимую экспертизу [РБК, 2020].

Динамика в реализации интеграционных обязательств зависит как от воли высшего руководства стран-участниц, так и от качества работы национальных бюрократий. В ЕЭК национальные бюрократии взаимодействуют в Совете, а также в создаваемых при ее департаментах Консультативных комитетах и рабочих группах. Важно, что через комитеты и группы осуществляется участие представителей бизнеса в выработке предложений по направлениям деятельности Союза. Для учета мнения бизнеса Комиссией также реализуется процедура оценки регулирующего воздействия [Евразийская экономическая комиссия, 2022]. Очевидно, основной своей целевой аудиторией в ЕАЭС считают именно «хозяйствующих субъектов», а не граждан стран Союза в целом. Вовлечение бизнеса не только повышает качество решений, но способствует легитимизации ЕАЭС в глазах этой целевой аудитории. При этом характерной чертой представительства бизнеса на уровне ЕАЭС является его фрагментация на национальные сегменты, каждый из которых лоббирует интересы по отдельности. В ЕС, напротив, широко распространена практика формирования трансграничных ассоциаций бизнеса.

ЕАЭС стал одним из механизмов управления взаимозависимостями, сложившимися еще до его формирования. Значительная их часть приходится на двусторонние отношения с Россией. Не будет преувеличением сказать, что в случае с такими страна-

ми, как Армения и Беларусь, совокупность зависимостей от России стала решающим фактором их участия в Союзе. Развитие и углубление интеграции приводит к тому, что многие старые зависимости трансформируются, а их регулирование становится предметом ЕАЭС. Так, участие в ЕАЭС по-своему изменило проблему ввоза на территорию России через Беларусь продукции из ЕС, первоначально не предназначенной для российского рынка [Суздальцев, 2021, с. 203]. После введения Россией продовольственного эмбарго в отношении ЕС и обострения проблемы перемещения санкционной продукции внутри ТС было принято решение о внедрении в ЕАЭС системы отслеживания товаров [Соглашение о применении навигационных пломб, 2022].

Даже беглый взгляд на внешнеполитическое и внешнеэкономическое поведение России свидетельствует о том, что Москва обычно слабо соизмеряет его с возможными издержками для своих партнеров по ЕАЭС⁵. Такая политическая и экономическая асимметрия преодолевается в ЕАЭС как гибкостью в отношении исполнения интеграционных обязательств его членами, так и применением принципа единогласия при принятии решений на межгосударственном уровне. Кроме того, партнеры России демонстрируют способность совместного использования механизмов Союза для более выгодного для себя регулирования зависимостей от нее. Так, при формировании единого рынка газа в ЕАЭС Армения и Беларусь выступают единым фронтом в стремлении сохранить и укрепить льготный доступ к российскому газу [Хренков, 2019].

Помимо трансформации старых связей, интеграция приводит и к формированию новых. В рамках ЕАЭС постепенно устраняются барьеры на пути передвижения товаров, услуг, людей и капитала: сформирован общий рынок лекарственных средств, формируются общие рынки финансовых услуг, электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, устраняются барьеры на рынках труда и транспорта, происходят гармонизация в сфере косвенного налогообложения, согласование макроэкономической политики, координация промышленной политики. Все это, подобно процессам европейской интеграции, неизбежно ведет к трансформации суверенитета взаимозависимости в ЕАЭС. В ряде вопросов неизбежен переход от асимметричного и двустороннего взаимодействия к выработке более равноправных многосторонних механизмов контроля за трансграничными процессами.

Разрастание конфликта по линиям Россия – Запад и Беларусь – Запад стало серьезным вызовом для остальных членов ЕАЭС. Если Россия и Беларусь однозначно указывают на политику ЕС как угрозу своему суверенитету, то остальные участники заинтересованы в сохранении углубленного взаимодействия с ним. Неслучайно в документах и заявлениях органов ЕАЭС Евросоюз не определяется напрямую как угроза, а понятие суверенитета чаще всего используется в значении «технологического суверенитета» и «цифрового суверенитета» [Мясникович, 2022]. Дискурс, аналогичный «стратегическому суверенитету» Евросоюза, об укреплении самодостаточности ЕАЭС, о сокращении зависимости от стран Запада в области стандартов и технологий продвигается представителями России и Беларуси [Мясникович, Ковалев, 2022]. В условиях конфликта со странами Запада Россия пытается вводить в повестку ЕАЭС вопросы ценностей и перехода к политической интеграции [President of Russia, 2023]. Однако такой подход противоречит изначальным принципам, на которых строилась евразийская интеграционная модель.

Евразийский экономический союз – это асимметричное экономическое интеграционное объединение, в центре которого находится Россия и ее отношения с каждым

⁵ Например, вводя в одностороннем порядке торговые ограничения в отношении ряда общих торговых партнеров – участников ЗСТ СНГ (Молдова, Украина).

участником Союза. Всячески декларируя использование опыта ЕС, ЕАЭС все же сформировал свою собственную уникальную модель управления интеграцией. Для нее характерны: существенно более слабый, чем в ЕС, надгосударственный элемент; демонстративный отказ от вмешательства в «традиционный» суверенитет стран-участниц; контроль со стороны государств за каждым этапом и направлением развития Союза; гибкий подход к реализации интеграционных обязательств; отсутствие единого нормативного взгляда на региональные и глобальные процессы.

* * *

Европейский союз представляет собой сложную модель распределения властных полномочий между разными уровнями управления, не обязательно связанными друг с другом иерархическими отношениями. Государства не теряют в этой модели суверенитет, но разделяют его с надгосударственными, субнациональными и транснациональными акторами. Интеграция затронула все измерения суверенитета государств-членов, включая вопросы организации и реализации власти. При этом европейская модель может как сужать пространство для осуществления государством его суверенных полномочий, так и опосредованно наделять государство – член ЕС большими политическими возможностями. Универсальным ответом на вызовы, с которыми сталкивается многоуровневая модель управления ЕС, Брюсселем провозглашается углубление интеграции и усложнение модели управления ею. В связи с этим важным представляется вопрос о пределах управляемости системы.

Евразийский экономический союз, вероятно, с самого своего формирования плохо вписывался в представление ЕС о собственном активном участии в трансформации региона восточного соседства. Современный кризис безопасности и конфликт с Россией ЕС использует для повышения сплоченности своей многоуровневой системы управления, а также для продвижения концепции «стратегического суверенитета», укрепляющего его как политическое сообщество. ЕАЭС, напротив, предсказуемо продолжает оставаться фрагментированным и гибким в вопросах выбора внешних партнеров и ценностных систем. Управление в ЕАЭС реализовано так, чтобы позволить государствам в крайних случаях избегать выполнения таких решений, которые идут вразрез с их представлением о суверенных правах.

Если Европейские сообщества формировались на основе развития плюралистического суверенитета, то ЕАЭС можно считать попыткой примирить постсоветские суверенизмы с необходимостью коллективного управления взаимозависимостями стран-участниц. Поскольку Россия пошла на реализацию в праве и институтах ЕАЭС принципа равенства стран-участниц, Союз тем самым в некоторой степени вышел за рамки типичной модели взаимодействия между Москвой и постсоветскими государствами. Он позволяет партнерам России связывать ее многосторонними обязательствами правового характера, отчасти смягчая проблему асимметрии в политическом влиянии и экономических потенциалах. Вместе с тем именно указанная асимметрия вкуче со спецификой политических режимов стран – основательниц Союза исключает трансформацию власти в этом интеграционном объединении. Это не касается вопросов контроля. Формирование новых общих рынков, устранение физических барьеров на пути трансграничных потоков, подобно ЕС, в ЕАЭС ведет к трансформации способов контроля в рамках внутреннего суверенитета и суверенитета взаимозависимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Буторина О.В., Захаров А.В. (2015) О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. № 2 (27). С. 52–67.
- Евразийская экономическая комиссия (2022) Как бизнес влияет на право Союза. Оценка регулирующего воздействия в ЕЭК. 29 декабря. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y62JYKLWeDZa-T13> (дата обращения: 17.05.2023).
- Исполинов А.С. (2016) Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 152–166. doi:10.17323/2072-8166.2016.4.152.166.
- Кавешников Н.Ю. (2011) Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // Евразийская экономическая интеграция. № 2 (11). С. 19–35. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-institutsionalnoy-struktury-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobschestva> (дата обращения: 05.10.2023).
- Кондратьева Н.Б. (2011) Таможенный союз ЕврАзЭС движется по стопам ЕС // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 164–186.
- Лавров С. (2013) РФ не исключает участие Украины в ЗСТ и с СНГ, и с Евросоюзом. 20 декабря. Режим доступа: <https://ria.ru/20131220/985470198.html> (дата обращения: 17.05.2023).
- Мясникович М. (2022) Поздравление Председателя Коллегии ЕЭК с наступающим 2023 годом. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/pozdravlenie-predsedatelya-kollegii-eek-mikhaila-myasnikovicha-s-nastupayushchim-2023-godom/?sphrase_id=164716 (дата обращения: 17.05.2023).
- Мясникович М.В., Ковалёв В.С. (2022) Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Т. 16. № 2. С. 11–17. Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17>.
- Пименова О.И. (2019) Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 76–93. doi:10.17323/1996-7845-2019-01-05
- Президент РФ (2012) Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 4 октября.
- РБК (2020) Россия пожаловалась на Казахстан в Евразийский союз из-за нового запрета. 2 сентября. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/02/09/2020/5f4e3d359a794762f9bf8fab> (дата обращения: 17.05.2023).
- Романова Т.А. (2019) Концепция стрессоустойчивости Европейского Союза. Артикуляция и ее последствия для России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Романова Т.А. (2021) Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. № 5. С. 32–44. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>
- Романова Т.А., Мазаник С.В. (2022) Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс // Вестник МГИМО-Университета. № 15(5). С. 79–112. doi:10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112
- Соглашение о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок (2022) Москва, 19 апреля. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_inftr/n_seals/2022.04.19%20approve_agr_ns.pdf (дата обращения: 17.05.2023).
- Стрежнева М. (2016) Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 6. С. 5–14. Режим доступа: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>.
- Суздальцев А. (2021) Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Союзным государством и России и Белоруссии и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 193–232. doi: 10.31249/ape/2021.01.09.

- Токаев К.-Ж. (2022) О языке, суверенитете, фаворитизме. 22 октября. Режим доступа: https://forbes.kz/process/tokaev_o_yazyike_suverenitete_favoritizme/ (дата обращения: 17.05.2023).
- Хохлов И.И., Сидорова Е.А. (2014) Наднациональность в политике Европейского Союза. 2-е изд., обновл. и доп. М.: Международные отношения. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/info/supranationality-in-eu-politics-2nd-ed-revised-and-completed-moscow-russia-international-relations-2014-304-p>.
- Хренков Н. (2019) Мечты сбываются: ЕАЭС двинулся к созданию единого рынка газа // Известия. 3 января. Режим доступа: <https://iz.ru/829509/nikolai-khrenkov/mechty-sbyvaiutsia-eaes-dvinulsia-k-sozdaniiu-edinogo-rynka-gaza>
- Alles D., Badie B. (2016) Sovereignism in the International System: from Change to Split // *European Review of International Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 5–19. Режим доступа: <https://sciencespo.hal.science/hal-03393510/file/badie-sovereignism-in-the-international-system-eris-3-2.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).
- Bosse G. (2021) Authoritarian consolidation in Belarus: What role for the EU? // *European View*. Vol. 20 (2). P. 201–210. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/17816858211061>
- Buras P. (2022) The final countdown: The EU, Poland, and the rule of law. 14 December. Режим доступа: <https://ecfr.eu/article/the-final-countdown-the-eu-poland-and-the-rule-of-law/> (дата обращения: 17.05.2023).
- Büthe T. (2016) Supranationalism // *The Oxford Handbook of Historical Institutionalism* / О. Fioretos, T.G. Falleti, A. Sheingate (eds). Oxford Academic. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199662814.013.29> (дата обращения: 17.05.2023).
- Cadier D. (2019) The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership // *Geopolitics*. Vol. 24. No. 1. P. 71–99. Available at: <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1477754>
- Consolidated version of the Treaty on European Union (2016) // *Official Journal of the European Union*. 7 June. С 202. P. 1–366. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL> (дата обращения: 30.09.2023).
- Dragneva R., Hartwell Ch. (2022) The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits // *Politics and Governance*. Vol. 10. Issue 2. P. 95–105. Available at: <https://doi.org/10.17645/pag.v10i2.4809>
- European Commission (2023) The European Commission decides to refer Poland to the Court of Justice of the European Union for violations of EU law by its Constitutional Tribunal. Press release. Brussels. 15 February. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_842 (дата обращения: 17.05.2023).
- European Union (EU) (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 17.05.2023).
- Fiott D. (2021) European sovereignty. Strategy and interdependence. Chaillot Paper No 169, European Institute for Security Studies. Режим доступа: https://cris.vub.be/ws/portalfiles/portal/79090657/CP_169.pdf (дата обращения: 30.09.2023).
- Kažarski A. (2012) The “Eurasian Union”: rivaling the EU through institutional isomorphism. IESIR Working Papers No 4. Institute of European Studies and International Relations. Режим доступа: https://fses.uniba.sk/fileadmin/fsev/o_fakulte/dokumenty/Zoznam_publicacnej_cinnosti_FSEV_2012.rtf (дата обращения: 30.09.2023).
- Keohane R., Hoffmann S. (1991) *The New European Community Decision-Making and Institutional Change*. Boulder: Westview Press.
- Krasner S. (2001) *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton University Press.
- Krasner S. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*. Routledge.
- Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites // *Europe-Asia Studies*. Vol. 74. Issue 9. P. 1574–1595. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2120184>

- Libman A., Obydenkova A. (2018) Regional International Organizations as a Strategy of Autocracy: The Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // *International Affairs*. Vol. 94. No. 5. P. 1037–1058. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/ia/iiy147>
- Lynch P. (2016) Sovereignty and the European Union: Eroded, Enhanced, Fragmented // *Reclaiming Sovereignty* / L. Brace, J. Hoffman (eds). Bloomsbury Academic. P. 42–61.
- Minakov M. (2021) Universal Norms in a Time of Sovereignism: Introduction // *Ideology and Politics*. No. 1(17). P. 4–6. Режим доступа: <https://www.ideopol.org/wp-content/uploads/2021/04/0.2.-ENG.-Minakov-Intro-Article.pdf> (accessed 30 September 30).
- Petersen N., Wasilczyk P. (2022) The Primacy of EU Law and the Polish Constitutional Law Judgment. Study Requested by the LIBE Committee. Brussels: European Parliament. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/734568/IPOL_STU\(2022\)734568_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/734568/IPOL_STU(2022)734568_EN.pdf) (дата обращения: 30.09.2023).
- President of Russia (2023) Address to heads of Eurasian Economic Union Member States. January 23. Режим доступа: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 17.05.2023).
- Roberts S. (2017) The Eurasian Economic Union: The Geopolitics of Authoritarian Cooperation // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 58. Issue 4. P. 418–441. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1415763>
- Saltybayev Y., Parkhomchik L. (2020) The Eurasian Idea of Nursultan Nazarbayev // *Regional integration and future cooperation initiatives in the Eurasian economic union* / M. Lagutina (ed.). N.Y.: IGI Global. P. 193–208. doi:10.4018/978-1-7998-1950-9.ch011
- Treaty on the Eurasian Economic Union (2014) Astana, May 29. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 17.05.2023).
- Wassenberg B. (2020) The History of the Committee of the Regions. 25 years of Cities and Regions Furthering European Integration. Brussels. Режим доступа: https://cor.europa.eu/en/engage/brochures/Documents/The%20History%20of%20the%20Committee%20of%20the%20Regions/4166_Book_Histoire_25_ans_Comite_EN.pdf

Supranationality and Sovereignty in the European Union and in the Eurasian Economic Union¹

E. Treshchenkov

Evgeny Treshchenkov – PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University; entrance 8, 1/3 Smolnogo Ulitsa, St. Petersburg, 191060, Russia; e.treshchenkov@spbu.ru

Abstract

In the last decade, the notion of sovereignty has been increasingly used in public discussions. A variety of actors are appealing to it, from systemic actors looking for ways to overcome the global governance and security crisis to sovereigntists protesting universalism and the weakening of the role of the state. Under these conditions, the transformation of sovereignty within integration associations is of particular interest. The concept of “strategic sovereignty” has appeared in the discourse of the most advanced among them, the European Union (EU). Among the challenges to this sovereignty, Brussels puts emphasis on the policies of China and Russia. The latter also actively appeals to the notion of sovereignty, and is itself the core of another integration association – the Eurasian Economic Union (EAEU). From the very creation of the Eurasian Customs Union, it has been emphasized that it borrows the experience of the EU and aims to become a nexus in interlinking regional integration agreements across Eurasia. In the context of the conflict between Russia and the west, the EU and the EAEU are increasingly opposed to each other.

This study is focused on identifying the features of the transformation of sovereignty in integration associations on the example of the EU and the EAEU. The analytical focus of the evaluation of the two models is set by the concept of four dimensions of sovereignty by S. Krasner and the phenomenon of supranationality. As the study shows, the transformation of sovereignty is not limited to the transfer of power to supranational bodies. In the EU, sovereignty is shared among the levels of this political community, forming a multi-level system of governance. Regarding the EAEU, the literature is dominated by the opinion that the sovereignty of the participating countries is indisputable, and the association itself is purely interstate in nature. Indeed, there are practically insurmountable obstacles to transferring the issues of organization of power to other levels by the EAEU states. At the same time, different dimensions of sovereignty here were affected by asymmetric relations with Russia even before the formation of the EAEU. The union was created on the basis and because of these dependencies, but it also transforms them.

Keywords: sovereignty, supranationality, multilevel governance, European Union, Eurasian Economic Union, sovereigntism, Russia

Acknowledgments: The study was made possible by a grant from the Russian Science Foundation, project No 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>

For citation: Treshchenkov E. (2023) Supranationality and Sovereignty in the European Union and in the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 3, pp. 74–91 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-04

References

- Alles D., Badie B. (2016) Sovereigntism in the International System: From Change to Split. *European Review of International Studies*, vol. 3, no 2, pp. 5–19. Available at: <https://sciencespo.hal.science/hal-03393510/file/badie-sovereigntism-in-the-international-system-eris-3-2.pdf> (accessed 30 September 2023).
- Bosse G. (2021) Authoritarian consolidation in Belarus: What role for the EU? *European View*, vol. 20, issue 2, pp. 201–10. Available at: <https://doi.org/10.1177/17816858211061>

¹ This article was submitted 20.05.2023.

- Buras P. (2022) The final countdown: The EU, Poland, and the rule of law. 14 December. Available at: <https://ecfr.eu/article/the-final-countdown-the-eu-poland-and-the-rule-of-law/> (accessed 17 May 2023).
- Büthe T. “Supranationalism” in Orfeo Fioretos, Tulia G. Falleti, and Adam Sheingate (eds), *The Oxford Handbook of Historical Institutionalism* (2016; online ed., Oxford Academic, 2 May 2016) Available at: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199662814.013.29> (accessed 17 May 2023).
- Butorina O.V., Zaharov A.V. (2015) O nauchnoj osnove Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [On the scientific basis of the Eurasian Economic Union]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya*, no 2 (27), pp. 52–67. (in Russian)
- Cadier D. (2019) The Geopoliticisation of the EU’s Eastern Partnership. *Geopolitics*, vol. 24, issue 1, pp. 71–99 Available at: <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1477754>.
- Consolidated version of the Treaty on European Union (2016) *Official Journal of the European Union*, vol. 59, C 202, pp. 1–366. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL> (accessed 30 September 2023).
- Dragneva R., Hartwell Ch. (2022) The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits. *Politics and Governance*, vol. 10, issue 2, pp. 95–105. Available at: <https://doi.org/10.17645/pag.v10i2.4809>.
- Eurasian Economic Commission (2022) Kak biznes vliyaet na pravo Soyuzha. Ocenka reguliruyushchego vozdeystviya v EEK [How business affects Union law. Regulatory impact assessment in the EEC], December, 29. Available at: <https://dzen.ru/a/Y62JYKLWeDZa-Tl3> (accessed 17 May 2023) (in Russian)
- European Commission (2023) The European Commission decides to refer Poland to the Court of Justice of the European Union for violations of EU law by its Constitutional Tribunal. Press release. Brussels. 15 February. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_842 (accessed 17 May 2023).
- European Union (EU) (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 17 May 2023).
- Fiott D. (ed.) (2021) European Sovereignty: Strategy and Interdependence. Chaillot Paper no 169, European Institute for Security Studies. Available at: https://cris.vub.be/ws/portalfiles/portal/79090657/CP_169.pdf (accessed 30 September 2023).
- Hohlov I.I., Sidorova E.A. (2014) Nadnacional’nost’ v politike Evropejskogo Soyuzha [Supranationality in the politics of the European Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian). Available at: <https://www.imemo.ru/publications/info/supranationality-in-eu-politics-2nd-ed-revised-and-completed-moscow-russia-international-relations-2014-304-p>
- Ispolinov A. (2016) Statut Suda EAES kak otrazhenie opaseny i somneniy gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Statute of EAEU Court as Reflection of EAEU Members Concerns and Doubts]. *Pravo. Zhurnal Vyssheshskolyekonomiki*, no 4, pp. 152–166 (in Russian) doi: 10.17323/2072–8166.2016.4.152.166
- Kaveshnikov N. (2011) Razvitie institucional’noj struktury Evraziyskogo ekonomicheskogo soobschestva [Development of the institutional structure of the Eurasian Economic Community]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya*, no 2 (11), pp. 19–35 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-institutsionalnoy-struktury-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobschestva> (accessed 17 May 2023).
- Kažarski A. (2012) The “Eurasian Union:” Rivaling the EU Through Institutional Isomorphism. IESIR Working Papers no 4, Institute of European Studies and International Relations. Available at: https://fses.uniba.sk/fileadmin/fses/o_fakulte/dokumenty/Zoznam_publikacnej_cinnosti_FSEV_2012.rtf (accessed 30 September 2023).
- Keohane R., Hoffmann S. (1991) *The New European Community Decision-Making and Institutional Change*. Boulder: Westview Press.
- Khrenkov N. (2019) Mechty sbyvayutsya: EAES dvinulsya k sozdaniyu edinogo rynka gaza [Dreams Come True: The EAEU Has Moved Toward the Creation of a Single Gas Market]. *Izvestiya*, 3 January. Available at: <https://iz.ru/829509/nikolai-khrenkov/mechty-sbyvaiutsia-aeas-dviniulsia-k-sozdaniyu-edinogo-rynka-gaza> (accessed 30 September 2023) (in Russian).

- Kondratieva N. (2011) Tamozhennyj soyuz EvrAzES dvizhetsya po stopam ES [Customs Union of the EURASEC Follows in EU Footsteps]. *Aktualnye problemy Evropy*, no 2, pp. 164–86. Available at: <https://upe-journal.ru/article.php?id=550> (accessed 30 September 2023) (in Russian).
- Krasner S. (2001) *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton University Press.
- Krasner S. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*. Routledge.
- Lavrov S. (2013) RF ne isklyuchaet uchastie Ukrainy v ZST i s SNG, i s Evrosoyuzom [Russia does not rule out Ukraine's participation in an FTA with both the CIS and the European Union], December 20. Available at: <https://ria.ru/20131220/985470198.html> (accessed 17 May 2023) (in Russian)
- Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies*, vol. 74, issue 9, pp. 1574–95. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2120184>
- Libman A., Obydenkova A. (2018) Regional International Organizations as a Strategy of Autocracy: The Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy. *International Affairs*, vol. 94, issue 5, pp. 1037–58. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy147>
- Lynch P. (2016) Sovereignty and the European Union: Eroded, Enhanced, Fragmented. *Reclaiming Sovereignty* (L. Brace, J. Hoffman (eds)). Bloomsbury Academic.
- Minakov M. (2021) Universal Norms in a Time of Sovereignism: Introduction. *Ideology and Politics*, issue 1(17), pp. 4–6. Available at: <https://www.ideopol.org/wp-content/uploads/2021/04/0.2.-ENG.-Minakov-Intro-Article.pdf> (accessed 30 September 30).
- Myasnikov M. (2022) Pozdravlenie Predsedatelya Kollegii EEK s nastupayushchim 2023 godom [Congratulation of the Chairman of the EEC Board on the upcoming 2023 New Year]. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/pozdravlenie-predsedatelya-kollegii-EEK-mikhaila-myasnikovicha-s-nastupayushchim-2023-godom/?sphrase_id=164716 (accessed 17 May 2023) (in Russian)
- Myasnikov M.V., Kovalev V.S. (2022) The Eurasian Economic Union: Rethinking the Sovereign Path of Development. *Eurasian integration: economics, law, politics*, vol. 16, no 2, pp. 11–17 (in Russian) Available at: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17>
- Petersen N., Wasilczyk P. (2022) *The Primacy of EU Law and the Polish Constitutional Law Judgment*. Study Requested by the LIBE Committee. Brussels: European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/734568/IPOL_STU\(2022\)734568_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/734568/IPOL_STU(2022)734568_EN.pdf) (accessed 30 September 2023).
- Pimenova O. (2019) Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 76–93 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2019-01-05.
- President of Russia (2012) Novyj integracionnyj proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A new integration project for Eurasia – the future that is born today], *Izvestiya*, 4 October. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyj-integratsionnyj-proekt-dlya-evrazii-budushchee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya/viewer> (accessed 30 September 2023) (in Russian).
- President of Russia (2023) Address to heads of Eurasian Economic Union Member States, January 23. Available at: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/news/70380> (accessed 17 May 2023).
- RBC (2020) Rossiya pozhalovalas' na Kazahstan v Evrazijskij soyuz iz-za novogo zapreta [Russia complained about Kazakhstan to the Eurasian Union because of the new ban], September 2. Available at: <https://www.rbc.ru/business/02/09/2020/5f4e3d359a794762f9bf8fab> (accessed 17 May 2023) (in Russian).
- Roberts S. (2017) The Eurasian Economic Union: The Geopolitics of Authoritarian Cooperation. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 58, issue 4, pp. 418–41. Available at: <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1415763>.
- Romanova T. (2021) Diskurs o suverenitete Evropejskogo soyuza: sodержanie i posledstviya [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences]. *Sovremennaya Evropa*, no 5, pp. 32–44. Available at: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/05-2021/Romanova-5-21.pdf> (accessed 30 September 2023) (in Russian).

Romanova T. (ed.) (2019) *Koncepciya stressoustojchivosti Evropejskogo Soyuzha. Artikulyaciya i ee posledstviya dlya Rossii* [European Union's Resilience Concept: Articulation and Its Consequences for Russia]. St Petersburg: St Petersburg University Publishing House (in Russian).

Romanova T., Mazanik S. (2022) Coordinative Discourse of Strategic Sovereignty Tilting the European Union's Institutional Balance. *The MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no 5, pp. 79–112. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112> (in Russian).

Saltybayev Y., Parkhomchik L. (2020) The Eurasian Idea of Nursultan Nazarbayev. *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* (M. Lagutina (ed.)). New York: IGI Global. doi:10.4018/978-1-7998-1950-9.ch011.

Soglashenie o primenenii v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze navigacionnyh plomb dlya otslezhivaniya perevozok (2022) [Agreement on the use in the Eurasian Economic Union of navigation seals for tracking transportation] Moscow, April 19. Available at: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_tamoj_infr/n_seals/2022.04.19%20approve_agr_ns.pdf (accessed 17 May 2023) (in Russian).

Strezhneva M. (2016) Supranationality and the Subsidiarity Principle in the European Union and Beyond. *World Economy and International Relations Journal*, vol. 60, no 6, pp. 5–14 (in Russian) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>.

Suzdal'cev A. (2021) Respublika Belarus': evolyuciya politiki balansirovaniya mezhdru Soyuznym gosudarstvom i Rossii i Belorussii i Evrazijskim ekonomicheskim soyuzom [The Republic of Belarus: The Evolution of the Policy of Balancing between the Union State and Russia and Belarus and the Eurasian Economic Union]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no 1, pp. 193–232. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-belarus-evolyutsiya-politiki-balansirovaniya-mezhdru-soyuznym-gosudarstvom-belorussii-i-rossii-i-evrazijskim/viewer> (accessed 30 September 2023) (in Russian).

Tokaev K.-Zh. (2022) O yazyke, suverenitete, favoritizme [On language, sovereignty, favoritism]. October 22. Available at: https://forbes.kz/process/tokaev_o_yazyke_suverenitete_favoritizme/ (accessed 17 May 2023) (in Russian).

Treaty on the Eurasian Economic Union (2014) Astana, May 29. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/0003610/itia_05062014 (accessed 17 May 2023).

Wassenberg B. (2020) *The History of the Committee of the Regions. 25 years of Cities and Regions Furthering European Integration*. Brussels. Available at: https://cor.europa.eu/en/engage/brochures/Documents/The%20History%20of%20the%20Committee%20of%20the%20Regions/4166_Book_Histoire_25_ans_Comite_EN.pdf